

Аромат стиха

(О некоторых переводах стихотворения Шарля Бодлера
«Экзотический аромат»)

эссе

Конечно, нужно читать всё произведение. Фрагмент он и есть фрагмент! Но мы из дилетантских соображений или просто от лени поступим вот так неправильно и нагло - возьмём только два четверостишья из стихотворения Шарля Бодлера «Экзотический аромат» и попытаемся увидеть, услышать и почувствовать то, чего нет в пререводах, но есть в оригинале. А требовательный читатель пусть думает, что все мыслимые и немыслимые несоответствия переводчики сняли в последних двух трёхстишьях, сохранив нам нечто Главное и Цельное...

Quand, les deux yeux fermés, en un soir chaud d'automne,
Je respire l'odeur de ton sein **chaleureux**,
Je vois se dérouler des rivages **heureux**
Qu'éblouissent les feux d'un soleil **monotone**;

Une île paresseuse où la nature **donne**
Des arbres singuliers et des fruits **savoureux**;
Des hommes dont le corps est mince et **vigoureux**,
Et des femmes dont l'œil par sa franchise **étonne**...

Помимо того смысла, который выражают главные слова этих четверостиший в каждой первой и четвёртой строке (d'automne - monotone; donne - étonne /осень - монотонно, даёт - удивляет»), а также во

второй и третьей (chaleureux-heureux, savoureux - vigoureux/тёплая - счастливый; сочный - крепкий), они обладают особенной, им лишь свойственной красотой и ценностью. Чтобы конечная рифма была полна и звучна, у Бодлера она поддерживается одной и той же согласной «п». Сразу чувствуешь плавную повторяющуюся вибрацию, словно кто-то задаёт ритм, уносящий нас в бескрайние просторы тёплых морей: «d'automne - monotone; donne - étonne»... Но вот в середине слышатся любимые Бодлером длинные слова с одинаковым протяжным звучанием: «chaleureux--heureux, savoureux - vigoureux». Их звук замедляет заданный ритм, и ...о чудо! «Происходит встреча безмерности мечты с предельностью морей» (*Плавание. Ш.Бодлер. пер. М.Цветаевой*).

Что же делает В.Брюсов, обращаясь к этим строкам одного из основоположников символизма во французской поэзии?

Когда, закрыв глаза, я, в душный вечер лета,
Вдыхаю аромат твоих нагих *грудей*,
Я вижу пред собой побережия *морей*,
Залитых яркостью однообразной света;

Ленивый остров, где природой всем даны
Деревья странные с мясистыми *плодами*;
Мужчин, с могучими и стройными *телами*,
И женщин, чьи глаза беспечностью полны...

Здорово! Всё в рифму. Даже, как у Бодлера, - в кольцевую. Но, извините: «грудей - морей, плодами - телами», «света - лета; даны - полны»! Я уж не говорю про ритм и мелодию автора. Куда-то они запропостились... Видимо сказалось чрезмерное увлечение математикой в последние гимназические годы. Давит количественная окраска - много плодов, тел, морей, грудей...

У Эллиса слова тоже подобраны вполне добросовестно.

Когда, смежив глаза, на грудь твою склонённый,

Твой знойный аромат впиваю жадно я,

Мне снова грезятся блаженные *края*:

Вот - монотонными лучами ослеплённый,

Спит остров, в полусон лениво погружённый, -

Дерев причудливо сплетенная *семья*,

Где крепнет строй мужей, избыток сил *струя*,

Где взоры смелых жен я вижу, *изумлённый*...

Сразу бросается в глаза, вернее, сразу слышишь, будто бы это сделано только для удобства стихосложения: «я - края; семья - струя»? Рифма есть и она опять же кольцевая. Есть и бодлеровские длинные слова. Они красивы и одинаково созвучны... Почти Бодлер! «Склонённый - ослеплённый; погружённый - изумлённый». Помните: «chaleureux-heureux, savoureux - vigoureux». Но есть нюанс! Они не в середине четверостишья, а в начале и в конце. Именно там, где у автора задаётся ритм. В результате звучит мелодия, у которой, в отличие от бодлеровской ритм не чувствуется вовсе. Льётся приторный, протяжный мотив, и две средних строки в обоих четверостишьях, действительно «избыток сил струя», царапают его своими острыми краями: «я - края; струя - семья». И ещё! Причём тут «взоры смелых жён»? Нет этого у автора! У Бодлера: «...dont l'œil par sa franchise étonne./...чьи глаза откровенностью удивляют (подстрочный перевод)». Смотрите, как у других. «Глаза беспечностью полны» (В. Левик), «Взгляд... до странности правдив» (В. Брюсов). И В. Левик и В. Брюсов не только умудрились сохранить смысл слов автора, но и не противоречат естественному состоянию людей, живущих вдали от больших городов и цивилизации.

Хотя, что уж тут требовать соответствия оригиналу! Валерий Яковлевич Брюсов, к примеру, повествование начинает вовсе не осенью, а в «душный вечер лета». Думаете почему? Может, потому что «*лета*» легче рифмуется с «яркостью однообразной... *света*»? А, может, тут сказывается юность, незрелость? Всего-то семнадцать лет! Позднее, лет через десять, он напишет о себе: «Мы были дерзки, были дети, / Нам всё казалось в ярком *свете*...» (В.Брюсов. Сборник «Tertia Vigilia», 1900).

Надо сказать, что в этом вопросе, в отличие от В.Брюсова, Эллис поступил кардинально. Страстный характер Льва Львовича Кобылинского (Эллиса) постоянно толкал его из крайности в крайность. Экономист, марксист, символист, в конце концов, монах иезуитского ордена - он вовсе не стал задумываться о времени года. Какая разница? Лето, осень... Ведь потом всё равно привидится что-то знойное и тропическое. Он сразу начал про грудь и про её «знойный аромат», который в воображении главного персонажа стиха естественным образом перейдёт в видение столь же знойных лесов, мужчин, женщин... «Когда, смежив глаза, на грудь твою склоненный, / Твой знойный аромат впиваю жадно я.../» Спрашивается: «Когда привидились счастливые берега?» Ответ: «А вот, как раз тогда, когда «смежив глаза...» и далее по тексту перевода». Но о каких видениях можно помышлять, если в это самое время ты так занят и «жадно впиваешь...»?

Избыточная вольность перевода Эллиса очевидна. Наверное, это то, что рождалось в душе Льва Львовича не непосредственно из художественного созерцания, а из его религиозного искания. Откуда взялись «строй мужей» и взоры «смелых жён»? Всего этого нет, и не могло быть у французского кумира русских символистов. Найдите хоть где-нибудь у Шарля Бодлера естество природы, тем более аллегории при её описании. Надо же так придумать: «Дерев

причудливо сплетённая семья»! У Бодлера вычурная одежда чтобы скрывать естественные формы тела, пища всегда обильно сдобренна специями, женские лица наштукатурены румянами и свинцовыми белилами... В его стихах даже Сена течёт только в оковах гранитных берегов! Страх перед живой, непредсказуемой и неукрощённой жизнью неотступно преследовал поэта! Такова уж его судьба! Рассуждая о творчестве Эллиса, провозвестник акмеизма и неистовый борец с символизмом Николай Гумилев позволил себе довольно однозначно оценить стихи Льва Львовича Кобылинского: «Темы его стихов интересны, переживания глубоки, но, чтобы справиться с ними, нужен большой талант, а у г. Эллиса его нет».

И всё-таки ближе к истине перевод В. Левика. Он отличается высокой культурой и точностью в передаче подлинника. Вильгельм Вениаминович всегда тяготел к трезвой, реалистической палитре жизни. Чувствуется стиль члена Союза художников и Союза писателей страны! Мы невольно сопереживаем с его ощущениями удовольствия от созерцания прекрасного. А как восхитителен бодлеровский шедевр «Маяки» в переводе В.Левика! Стихотворение, в котором слово поэта соперничает с кистью художника. Чтобы сотворить такое нужно, как Бодлер, очень хорошо разбираться в живописи или самому быть художником. Эти же особенности биографии, характера и творчества Вильгельма Левика подарили нам и экзотический аромат поэзии Бодлера.

Осенним вечером, когда, глаза закрыв,
Уткнувшись в грудь твою, лежу я молчаливый,
Я слышу запах твой, я вижу край счастливый,
Где солнце буйствует, а бег минут ленив;

И знойный остров твой, и синий твой залив,
И птиц, причудливых, как сказочные дивы.
Мужчины там сильны, а женщины красивы,
И взгляд их черных глаз до странности правдив...

Вот она - мелодия автора! Она рождена плавным шелестом: «закрыв - ленив; залив - правдив» с одинаковой бодлеровской повторяющейся согласной в конце первой и последней строки. Слышится, как волны прибоя лениво накатывают на берег и, убаюкивая, готовят нас, к сказке о счастливом острове. Эхо от длинных нот: «молчаливый - счастливый» чуть замедляет заданный ритм и позволяет нам ярче и полнее воспринять звуки музыки, краски живописного полотна и необычный аромат запахов постепенно раскрывающегося чудесного края. Первое четверостишие - прелесть!

Да, стих Бодлера уникален. Он имеет свою индивидуальную структуру, богатую рифму, строгий и полный ритм, тембровую окраску речи, он требует редкую систему произношения ударных и неударных, долгих и кратких слогов. Так и хочется дать простой совет тем, кто берётся угадать в своём переводе всё это многообразие. Пишите ненавязчивое слово «адаптированный» или как перед демонстрацией фильма: «Предупреждаем - содержатся сцены курения!». И неплохо было бы пояснить: «без мелодии автора, но с его рифмой», или «без ритма оригинала», или «с частичным искажением содержания», или и то, и другое, и третье вместе... Ведь, невозможно, чтобы поэты-переводчики, преподнося нам нечто Главное и Цельное, этого не чувствовали и не осознавали.

Тем не менее, спасибо им за то, что пробуют, передают нам хотя бы частично богатство поэтических шедевров, тем самым

подчёркивая, высвечивая и оттеняя пусть отдельные, но уникальные особенности творчества великих, да и самих себя тоже.